

10. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1110. – Воп. 1. – Спр. 44.
11. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1110. – Воп. 1. – Спр. 160.
12. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1110. – Воп. 1. – Спр. 63.
13. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1110. – Воп. 1. – Спр. 236.
14. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1957. – № 4. – Ст. 63.
15. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 51.
16. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 4. – Воп. 133. – Спр. 35.
17. Сільчанка, М.У. Юридический факультет ГрГУ имени Янки Купалы / М.У. Сільчанка // Юридический факультет. – Режим доступа: http://www.lf.grsu.by/index.php?option=com_content. – Дата доступа: 07.03.2018.
18. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 5.
19. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 45.
20. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 129.
21. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 606.
22. Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» – программа деятельности юридических вузов страны // Правоведение. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. – № 1. – С. 188–192.
23. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 205. – Воп. 1. – Спр. 1015.
24. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 1277.
25. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 57.
26. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 968.
27. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1220. – Воп. 1. – Спр. 51.

УДК 340

А.В. Григорьев

СОВЕТСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА О ТЕОРИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

В результате революционных событий 1917 г. произошли коренные преобразования во всех сферах общественной жизни. В юриспруденции на смену методологическому плюрализму приходит диктат марксистской классовой теории, не допускавшей альтернативных подходов и политико-правовых концепций. В этих условиях многообразие политико-правовой мысли отрицается советской юридической методологией. В результате основные направления в теории права дореволюционного периода (историческая школа права, юридический позитивизм, социологическая юриспруденция, психологическая школа права и др.) подвергались критике за игнорирование классового начала, непонимание классовой сущности государственно-правовых явлений. Некоторые теоретические наработки предшествующего периода не были восприня-

ты советским правоведением, так как оценивались с классовых позиций и объявлялись «буржуазными». К их числу следует отнести и теорию правового государства.

В отличие от теории правового государства в марксистской доктрине государство выступало органом насилия, служащим интересам только экономически и политически господствующего класса, и совершенно по-иному, с классовых позиций, трактовались понятия «законность», «народ», «социальная справедливость», «свобода» и др. Следовательно, созданное государство стало орудием подавления политических противников Советской власти, орудием подавления инакомыслия. Руководители государства, объединив в руках партии рычаги всех ветвей власти, совершали без учета специфики социально-экономических условий внеправовые эксперименты – от насильственной коллективизации сельского хозяйства и массового переселения народов до безжалостного уничтожения неугодных режиму лиц [1, с. 114]. Можно утверждать, что в силу ряда объективных и субъективных причин вместо диктатуры пролетариата в стране установилась диктатура партийно-государственного аппарата.

В этой связи теория правового государства (как государства, связанного правом) была объявлена буржуазной лженаукой, используемой идейными противниками коммунизма в пропагандистских и подрывных целях. Такое официальное отношение к доктрине правового государства впервые было сформулировано в докладе известного деятеля большевистской партии и советского правительства Л.М. Кагановича, который, критикуя определение советской республики как государства правового, осуществляющего свою деятельность в условиях правового режима, заявил: «Вряд ли нужно доказывать всю путанность и вредность этой немарксистской формулировки т. Малицкого. Ведь мы отвергаем понятие правового государства даже для буржуазного государства. Как марксисты, мы считаем, что буржуазное государство, прикрываемое формой права, закона, демократии, формального равенства, по сути дела есть не что иное, как буржуазная диктатура. Понятие „правовое государство“ изобретено буржуазными учеными для того, чтобы скрыть классовую природу буржуазного государства» [2, с. 9]. В результате сторонники этой теории подвергались политическим преследованиям, а основные ее положения либо категорически отвергались, либо искажались в угоду политическому произволу.

С точки зрения классового подхода рассматривались и многие другие доктринальные положения теории государства и права. Так, на совещании Института права АН СССР по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) было одобрено определение права: «Право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего

класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу» [3]. В этой связи среди ученых-юристов наметилась тенденция критического переосмысления многих теоретических подходов и концепций, сложившихся до 1938 г. с точки зрения их враждебности и антисоветского содержания.

Отсюда понятно, что в годы методологического господства марксизма-ленинизма непредвзятый анализ государственно-правовых проблем был попросту невозможен. По мнению современных исследователей, требовалась критика буржуазных ученых, мыслителей предшествующих времен, выражавших в своих взглядах, как считалось, интересы экономически господствующего класса. Фактически речь шла о том, что фундамент подлинно научного изучения любой проблемы заложен трудами классиков марксизма, указывавших на значение экономических факторов и классовой борьбы в развитии общественной, в том числе и политической, идеологии. В советское время теория разделения властей как атрибут правового государства считалась учением буржуазным и подвергалась критике, и не могло быть и речи о нормальной разработке истории идей о разделении властей, проблемах функционирования законодательной, исполнительной и судебной властей [1; 4, с. 20].

Вследствие отрицания теории правового государства и его принципов советская юридическая наука односторонне исследовала вопросы взаимодействия между государственными органами, так как под разделением властей понималось «наделение каждого органа возможностью противопоставить свое мнение решению другого органа» [5, с. 129]. Неудивительно, что советская наука отвергла принцип разделения властей, поскольку принцип организационно-правового единства государственной власти нашел закрепление на уровне Основного Закона государства. Так, ст. 6 Конституции СССР 1977 г. гласила: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза» [6]. Отсюда понятно, почему «ученые испытывали на себе колоссальное давление идеологической политики КПСС, а научные исследования были ориентированы, определялись и обслуживали ее» [7, с. 20]. Таким образом, Советская власть основывалась на конституционном принципе организационно-правового единства государственной власти, система сдержек и противовесов в СССР отсутствовала, а концепция разделения властей, по мнению советских

ученых, имела четкую классовую направленность, являясь атрибутом буржуазной демократии.

Отметим, что советская юридическая наука критиковала не только теорию правового государства, но и антимарксистскую литературу по вопросам государства в целом. Так, труды немецких ученых, среди которых Г. Кельзен, Ф. Ленц, Г. Кунов, Г. Сультанов, К. Каутский, М. Адлер, были подвергнуты критике в работе Я.С. Вольфсона «Кельзен, Ленц и Ко: к противомарксистской атаке в вопросах государства» [8]. Данное обстоятельство объясняется своеобразием советской теории государства и права, которая «в своих основных положениях прямо опиралась на материал истории политических и правовых учений, но только на положения работ классиков марксизма-ленинизма. Почти все содержание немарксистской истории политических и правовых учений отвергалось и служило предметом критики с классовых позиций» [9, с. 3]. Это свидетельствует об отрицании теории правового государства как идеологически не соответствующей общей стратегической цели социалистического государства.

Таким образом, советское государствоведение отвергало прогрессивное наследие либеральной дореволюционной политико-правовой мысли по проблемам теории правового государства, представленное в трудах А.С. Алексеева, Н.М. Коркунова, С.А. Котляревского, Ф.Ф. Кошкина, М.М. Ковалевского и др. Можно согласиться с тем, что многие проблемы правового государства, находящиеся в центре внимания современной зарубежной и отечественной юриспруденции, уже освещались в политико-правовой мысли конца XIX – начала XX в., однако дискретность в развитии юридической науки явилась препятствием для их дальнейшего научного анализа. Представляется, что идеи дореволюционных ученых в определенной мере могут стать теоретической основой для анализа теории правового государства.

Список использованных источников

1. Вишневский, А.Ф. Основные признаки правового государства в современной юридической науке / А.Ф. Вишневский // Демократическое социальное правовое государство – основной вектор развития Республики Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 11 марта 2009 г. / М-во юстиции Респ. Беларусь ; редкол.: В.Г. Голованов [и др.]. – Минск, 2009. – С. 110–115.
2. Каганович, Л.М. Двенадцать лет строительства Советского государства и борьба с оппортунизмом / Л.М. Каганович // Совет. государство и революция права. – 1930. – № 1. – С. 7–43.
3. Основные задачи советского социалистического права : материалы первого совещ. науч. работников права, 16–19 июня 1938 г. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 192 с.

4. Липень, С.В. Теоретические проблемы государственности и права в политико-правовых учениях XVII – начала XX в. : монография / С.В. Липень ; под науч. ред. В.В. Лазарева. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 238 с.

5. Барнашов, А.М. Принцип разделения властей и механизм современного буржуазного государства / А.М. Барнашов // Конституционное законодательство и государственное управление в условиях совершенствования социалистического общества : сб. ст. / Том. гос. ун-т ; под ред. В.Ф. Воловича, А.И. Кима. – Томск, 1988. – С. 129–138.

6. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 года // Сборник нормативных актов по советскому государственному праву. – М., 1984. – С. 97–128.

7. Шиенок, В.П. Методологические проблемы криминологии / В.П. Шиенок // Юстыця Беларусі. – 2006. – № 11. – С. 20–24.

8. Вольфсон, Я.С. Кельзен, Ленц и Ко: к противомарксистской атаке в вопросах государства / Я.С. Вольфсон. – Минск : Изд. Исполбюро Пролетстуда БГУ, 1925. – 47 с.

9. Липень, С.В. Проблемы взаимосвязи теоретического и исторического юридического научного знания / С.В. Липень // Проблемы взаимосвязи теоретического и исторического юридического научного знания : сб. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД ; под ред. В.В. Лазарева, С.В. Липеня. – Минск, 2012. – С. 3–9.

УДК 343

А.В. Кацеев

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ В СОВЕТСКОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ 20-х гг. XX в.

Октябрьский переворот осенью 1917 г. и создание Советского государства открыли путь к становлению белорусской национальной государственности, которая происходила в сложных внутри- и внешнеполитических условиях. Большевики во главе с В.И. Лениным на практике попытались реализовать марксистские идеи о построении коммунистического общества через диктатуру пролетариата, фактически власти не ограниченной законом. Как отмечал С.С. Алексеев, диктатура пролетариата представлялась правом «во имя коммунизма идти на любые шаги, на любые акции для торжества светлых идей, всеобщего счастья» [2, с. 154]. Этим объясняются многочисленные репрессии и злоупотребления, которые санкционировались советским правительством в годы «красного террора». Одним из первых мероприятий большевиков стала ликвидация законодательства Российской империи и Временного правительства, хотя некоторые нормативные правовые акты, не противво-

речащие политике советского правительства, продолжали действовать. В свою очередь, новое законодательство должно было учитывать идеологическую основу политической программы партии большевиков и носить по истине «революционный» характер, неудивительно, что и правотворчество в этот период также стало «революционным». На V Всероссийском съезде Советов В.И. Ленин заявил, что «плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходный период имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется» [2, с. 120]. Однако непродуманность многих решений большевистского правительства привела к появлению фактически правового вакуума, когда многие старые законы не действовали, а новые еще не были введены. Более того, новое законодательство, в условиях борьбы за сохранение власти, не могло охватить все стороны жизни и тем самым гарантировать обеспечение прав и свобод граждан. В условиях несовершенства правовой составляющей Советского государства правоприменители опирались в своей деятельности на революционную целесообразность, а революционное правосознание становилось источником права [1, с. 21]. Как указывает Д.М. Фельдман, даже постановление «О точном соблюдении законов»¹, принятое на Чрезвычайном VI Всероссийском съезде Советов зафиксировало «отказ от законности ради целесообразности» [11, с. 128]. Окончание Гражданской войны и переход к новой экономической политике привели к критике «революционного правотворчества» и «революционного правосознания», а в 1921 г. на IX Всероссийском съезде Советов была провозглашена доктрина законности. Однако что понималось под законностью? После IX Всероссийского съезда Советов в советской юридической печати началась открытая полемика по проблеме определения законности, вернее, революционной законности. Знаковой в этом плане стала публикация А.Н. Трайнина в журнале «Право и жизнь». В своей статье он указывал, что законность «не бывает дурной или хорошей, правой или левой, революционной или реакционной» [10, с. 6]. Революционную законность, по мнению А.Н. Трайнина, необходимо рассматривать только как законность в революционную эпоху [10, с. 7]. При этом сама законность – «это верность законам, равно обязательная для власти и граждан» [10, с. 5]. Схожей с ним позиции придерживался Д.И. Гомберг, который понимал, правда, революционную законность как «соблюдение

¹ Интересен такой факт: в сборнике документов «Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937)», изданном в 1940 г. под редакцией А.Я. Вышинского, это постановление называется «О революционной законности» [6, с. 39–40].